

«Ленинградская правда» 29 декабря 1968?

ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

ЛЕНИНСКАЯ ТЕМА
В СОВЕТСКОЙ
ДРАМАТУРГИИ

Из воспоминаний людей, близких Владимиру Ильичу или хотя бы однажды встречавшихся с ним, мы знаем, какой глубокий след, какое неизгладимое впечатление оставило общение с ним. Пламенный ленинский характер, всеобъемлющее влияние его идей и дел глубоко чувствовались и те современники Ленина, которым не посчастливилось непосредственно с ним общаться. Для народных масс, шедших за Лениным на штурм старого мира, начинавших создавать новый социальный строй, Ленин был человеком широкого сердца и великого дела, понятным и родным по духу и идеям, подлинным народным вождем. Таким живет Ленин и в мыслях новых поколений советского народа — наших современников, осуществляющих сегодня ленинские предвидения.

Незабываемый ленинский образ жил и продолжает жить в народе как наиболее яркое олицетворение нового героя, человека новой революционной эпохи. Он заключает в себе громадную силу воспитательного воздействия. Вот почему воссоздание образа Ленина в живописи и скульптуре, в литературе, театре, кино — почетная и ответственная задача советского искусства.

Имя Ленина, его образ — как тип народного вождя — неотделимы от эпохи Октябрьской революции. И художники, стремясь сказать свое слово об Октябре, всегда так или иначе думали о Ленине. Немало произведений о Ленине, в первую очередь поэтических, было создано уже в первые годы после революции. Больших успехов в воссоздании образа Ленина уже на ранних этапах достигло и советское изобразительное искусство.

Позднее других искусств подошли к непосредственному воплощению ленинского образа драматургия и театр. Это объясняется синтетическим характером сценического искусства, вбирающего в себя другие виды искусства и дающего особенно впечатляющее, наглядно-действенное отражение жизни.

Создавая образы передовых людей революции, руководителей ленинского склада, каждый из которых нес в себе что-то от великого вождя, советская драматургия постепенно подходила к художественному воплощению образа и самого Ленина. Другим важным руслом этого пути было

«внесценическое» отражение ленинского образа в лучших произведениях советской драматургии. В них Ленин еще не появлялся перед зрителем, но происходившие на сцене события были неразрывно связаны с его именем, с его делом.

Ленинские идеи вдохновляли героев «Шторма» В. Биль-Белоцерковского и «Любови Яровой» К. Тренева. По призыву Ленина и партии вели свой крейсер на помощь восставшему Петрограду герои «Разлома» Б. Лавренева. Имя Ленина в устах Васьки Окороба из «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова звучало пламенным призывом к братству и свободе народов земли. О Ленине думали, с Лениным советовались, выполняли ленинский приказ герои «Гибели эскадры» А. Корнейчука и «Земли» Н. Вирты. Мощь народного движения, возглавляемого Лениным, явственно ощущалась в пьесе М. Горького «Достигаев и другие», где отношение персонажей к Ленину — с ним или против него — показано как социальный водораздел между борющимися лагерями.

Одним из самых ярких примеров опосредствованного решения ленинской темы в драматургии был фильм по сценарию Л. Рахманова «Депутат Балтики», на основе которого им же затем была написана пьеса «Беспойкая старость». Вместе с героем этих произведений профессором Полежаевым зритель на все протяжение драматического действия незримо чувствует присутствие Ленина — вдохновителя и руководителя грандиозных событий революции.

Накопленный опыт внесценического отображения темы Ленина, общий идейно-художественный рост советской драматургии сделали возможным ее новый и смелый шаг — переход к непосредственному воплощению образа Ленина на сцене.

Показанные к двадцатой годовщине Советской власти фильм М. Ромма и А. Каплера «Ленин в Октябре», постановки пьес «На берегу Невы» К. Тренева, «Правда» А. Корнейчука и «Человек с ружьем» Н. Погодина положили начало непосредственному художественному воплощению образа Ленина средствами театра и кино.

АВТОРЫ предвоенных пьес о Ленине считали сделанное ими лишь первыми, в чем-то более, в чем-то менее удавшимися шагами к реше-

нию большой и сложной творческой задачи. Если некоторые писатели и критики считали, что во имя масштабности и монументальности образа Ленина художник должен избегать жанровых выходов красок, то другие, наоборот, хотели, чтобы на сцене был достаточно полно показан не только Ленин-вождь, но и Ленин-человек в его повседневных отношениях с окружающими людьми. Возникал вопрос о возможности творческого домысла. Ведь лучшие сцены «Человека с ружьем», «Кремлевских курантов», фильмов М. Ромма явились плодом художественной интуиции.

В первое послевоенное десятилетие из новых пьес о Ленине увидели сцену «Семья» И. Попова, «Пролог» А. Штейна, иллюстрировавшие ранние периоды его жизни и деятельности, сценическая фреска «Залп «Авроры» М. Билибина и М. Чиатуре, показанная МХАТом в 1953 году, пьеса В. Вишневского «Незабываемый 1919-й».

В 50-х годах театры получили ряд новых пьес о Ленине. Их авторами стали не только столичные, но и местные драматурги, в том числе драматурги национальных республик, воссоздающие образ Ленина в связи с революционной историей своих народов. Некоторые из них повторяют, варьируют уже сделанное их предшественниками. Но лучшие продолжают глубоко плодотворную традицию советского искусства — изображение Ленина в тесном общении с народом, в единстве его качеств вождя и человека.

В Ярославле впервые была поставлена пьеса Д. Зорина «Вечный источник», обогатившая затем сцены многих театров страны. Автор переносит нас в русскую деревню 1922 года. Драматург увидел Ленина не у руля государственного корабля, а на отдыхе — во время его охотничьих прогулок по Подмосковью.

Герои «Вечного источника» не сразу узнают Ленина — сначала принимают его за селькора. Вспомним, что и у Погодина солдат Шадрин при первой встрече с Лениным еще не знает, с кем говорит. Так выявляется глубина впечатления, которое производит Ленин на собеседников «не по должности», даже не будучи узнаваемым. И у Погодина и у Зорина Ленин остается самим собой и после того, как герои узнают его — он ос-

тается для них тем же простым и мудрым другом и советником.

В пьесе «Вечный источник» Ленин не просто наблюдает жизнь, он активно действует. Ленин помогает бедноте сплотиться в артель. Здесь Ленин не только учит народ, но и сам учится у народа, думает вместе с народом, вместе с народом находит верные решения. Драматург показывает, как народный опыт, сама жизнь подсказывают Ленину и подтверждают реальность его гениального плана кооперации деревни.

В пьесе Д. Зорина ошутима внутренняя полемика против самодовлеющего монументализма в изображении великих людей, порой приводившего к обеднению их внутреннего мира, к отрыву героя от народа. Однако некоторые эпизоды и бытовые штрихи пьесы Д. Зорина вызывают справедливые возражения критики. Стремясь подчеркнуть человеческую простоту Ленина, Д. Зорин излишне «приземлил» образ. Очевидно, драматург и сам чувствовал это. Отсюда его поиски символического укрупнения образа: в финале мы видим Ленина, идущего по свежей борозде и разбрасывающего зерна нового посева.

Серьезным достижением явилась пьеса Н. Погодина «Третья патетическая», которой он завершил цикл своих пьес о Ленине.

Когда Погодин писал «Человека с ружьем» и «Кремлевские куранты», у него не было еще мысли о трилогии, какого-то определенного плана ее. Пьесы рождались одна за другой, через неравные промежутки времени, но как раз диктуемые временем, художническим пониманием вехений времени. Рождались и связывались одна с другой ясной творческой логикой. Сначала — Ленин в действии, среди народа. Затем — сосредоточенный, с преобразующей, дающей свет мыслью мечтой о будущем. И, наконец, Ленин — философ, гуманист. От эпического изображения народного вождя Погодин шел к постижению великого и непреходящего в Ленине. И когда в «Третьей патетической» мы видели Ленина на ступенях Смольного, — это было не просто воспоминание большевика Дятлова о немеркнущих днях революции. Это было своеобразное композиционное кольцевое обрамление целого, в котором совершенное в Октябре — исходный пункт и одновременно то, что завещано нам Лениным.

Пьесы погодинской трилогии проникнуты высоким пафосом ленинского революционного гуманизма, в котором драматург справедливо видит сущность и величие Ленина.

«Третья патетическая» — это не трагедия в «классическом» смысле. Или, вернее, — это оптимистическая трагедия, существо которой определяют не траурные интонации, а пафос величия неумирающих ленинских идей. «Третья патетическая» — не просто хронологическое завершение трилогии, как не были чисто биографическими пьесами «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты». В этих произведениях Погодин поднимает большой круг проблем, связанных с формированием нового общества, нового человека.

Среди авторов пьес, написанных после погодинской трилогии, особенно заметны успехи драматурга М. Шатрова. Именно ему принадлежат интереснейшие опыты обновления драматургической традиции в решении ленинской темы.

«Опыт документальной драмы» — так напоминает М. Шатров о своей ставке на хроникальную точность в подзаголовке пьесы «Шестое июля», повествующей о подавлении левосекского мятежа в июле 1918 года. Драматург берет короткий отрезок истории — один сутки. — фиксируя происходящее с точностью до минут. Перед нами — всего лишь один день истории. Но такой день, который без каких-либо авторских «подталкива-

ний» может вылиться в напряженное сценическое действие.

Последовательная борьба Ленина за мир, против авантюризма в политике определяет содержание пьесы «Шестое июля», отчетливо сопряженное с проблемами, важными для нашего сегодня.

НЫНЕ ЛЕНИНИАНА советского театра весьма обильна количественно. Уже не раз со справедливой тревогой говорилось об опасности обеднения темы, о холодном ремесленничестве, о пьесах-близнецах, с которыми мы уже встречались.

Всегда ли оправдано появление Ленина в числе действующих лиц драматического произведения?

Авторы многих пьес «поручают» Ленину напутствовать своих героев или резюмировать, подводить итог их делам. Часто именно к этому сводится «функция» ленинского образа, когда мы встречаем его в прологах или эпилогах.

Однако подлинная сущность личности такого масштаба, как Ленин, вряд ли может быть постигнута во всей глубине и объемности при появлении Ленина в единичном эпизоде, особенно если такой эпизод не лежит на магистрали драматического действия, а как бы «пристегнут» к нему.

Стремление художников связать своих героев с Лениным, с его делом — стремление само по себе, конечно, похвальное, — может быть успешно реализовано и без непременно выведения на сцену самого Ленина. Убедительные решения в этом смысле знала, как мы помним, драматургия 20-х и 30-х годов. О такой возможности красноречиво говорят и недавние постановки «Десяти дней, которые потрясли мир» в Театре на Таганке и «Большевик» в «Современнике».

Я привожу эти, на мой взгляд, примеры очень интересных опосредствованных решений вовсе не потому, что ратую за возврат к «доактерскому» опыту 20-х годов. Лучшие исполнители ленинской роли — Б. Шуклин, М. Штраух, Б. Смирнов, В. Честноков — прочно утвердили воплощение ленинского образа через актера как магистральную линию сценической Ленинианы. Я только хотел напомнить, что в многообразии жанров и приемов, накопленных многолетним опытом, есть и остается возможность косвенного решения темы, без непосредственного выхода на сцену актера в ленинском гриме.

Наша драматургическая Лениниана разнообразна по жанрам, стилистическим интонациям. Тут и хроникальные пьесы и биографически-повествовательные, народные драмы, пьесы трагедийные и лирические.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ сценической Ленинианы ставят и решают серьезные идейные и творческие проблемы, важные для развития советской историко-революционной драматургии. Исключительное и типичное. Героическое и бытовое. Сложность и единство многогранного характера. Герой и народ. Диалектика исторического документа и творческой фантазии художника.

Разнообразие идейно-тематических аспектов Ленинианы, приемов и красок, манер и интонаций, которые мы видим в лучших пьесах о Ленине, — свидетельство многогранности и художественной яркости искусства социалистического реализма.

Наша драматургия создала произведения высокого идейного накала, решающие ленинскую тему с глубоким проникновением в сущность социально-исторических процессов, с большой выразительной силой и эмоциональным своеобразием.

Многогранный характер Ленина, его влияние на эпоху, значение его идей для современности — громадные и всеобъемлющие. Образ Ленина заключает в себе неисчерпаемое богатство мысли и чувства.

Н. ЗАЙЦЕВ

ЖИВЕЕ ВСЕХ ЖИВЫХ

ЛЕНИНСКАЯ ТЕМА
В СОВЕТСКОЙ
ДРАМАТУРГИИ

Из воспоминаний людей, близких Владимиру Ильичу или хотя бы однажды встречавшихся с ним, мы знаем, какой глубокий след, какое незабываемое впечатление оставило общение с ним. Пламенный ленинский характер, всеобъемлющее влияние его идей и дел глубоко чувствовали и те современники Ленина, которым не посчастливилось непосредственно с ним общаться. Для народных масс, шедших за Лениным на штурм старого мира, начинавших создавать новый социальный строй, Ленин был человеком широкого сердца и великого дела, понятным и родным по духу и идеям, подлинным народным вождем. Таким живет Ленин и в мыслях новых поколений советского народа — наших современников, осуществляющих сегодня ленинские предвидения.

Незабываемый ленинский образ жил и продолжает жить в народе как наиболее яркое олицетворение нового героя, человека новой революционной эпохи. Он заключает в себе громадную силу воспитательного воздействия. Вот почему воссоздание образа Ленина в живописи и скульптуре, в литературе, театре, кино — почетная и ответственная задача советского искусства.

Имя Ленина, его образ — как тип народного вождя — неотделимы от эпохи Октябрьской революции. И художники, стремясь сказать свое слово об Октябре, всегда так или иначе думали о Ленине. Немало произведений о Ленине, в первую очередь поэтических, было создано уже в первые годы после революции. Больших успехов в воссоздании образа Ленина уже на ранних этапах достигло и советское изобразительное искусство.

Позднее других искусств подошли к непосредственному воплощению ленинского образа драматургия и театр. Это объясняется синтетическим характером сценического искусства, вбирающего в себя другие виды искусства и дающего особенно впечатляющее, наглядно-действенное отражение жизни.

Создавая образы передовых людей революции, руководителей ленинского склада, каждый из которых нес в себе что-то от великого вождя, советская драматургия постепенно подходила к художественному воплощению образа и самого Ленина. Другим важным руслом этого пути было

«внесценическое» отражение ленинского образа в лучших произведениях советской драматургии. В них Ленин еще не появлялся перед зрителем, но происходившие на сцене события были неразрывно связаны с его именем, с его делом.

Ленинские идеи вдохновляли героев «Шторма» В. Билль-Белоцерковского и «Любови Яровой» К. Тренева. По призыву Ленина и партии вели свой крейсер на помощь восставшему Петрограду герои «Разлома» Б. Лавренева. Имя Ленина в устах Василья Окороча из «Бронепоезда 14-69» Вс. Иванова звучало пламенным призывом к братству и свободе народов земли. О Ленине думали, с Лениным советовались, выполняли ленинский приказ герои «Гибели эскадры» А. Корнейчука и «Земли» Н. Вирты. Мощь народного движения, возглавляемого Лениным, явственно ощущалась в пьесе М. Горького «Достигаев и другие», где отношение персонажей к Ленину — с ним или против него — показано как социальный водораздел между борющимися лагерями.

Одним из самых ярких примеров опосредствованного решения ленинской темы в драматургии был фильм по сценарию Л. Рахманова «Депутат Балтики», на основе которого им же затем была написана пьеса «Беспкойная старость». Вместе с героями этих произведений профессором Полжаевым зритель на всей протяженности драматического действия незримо чувствует присутствие Ленина — вдохновителя и руководителя грандиозных событий революции.

Накопленный опыт внесценического отображения темы Ленина, общий идейно-художественный рост советской драматургии сделали возможным ее новый и смелый шаг — переход к непосредственному воплощению образа Ленина на сцене.

Показанные к двадцатой годовщине Советской власти фильм М. Ромма и А. Каплера «Ленин в Октябре», постановки пьес «На берегу Невы» К. Тренева, «Правда» А. Корнейчука и «Человек с ружьем» Н. Погодина положили начало непосредственному художественному воплощению образа Ленина средствами театра и кино.

АВТОРЫ предвоенных пьес о Ленине считали сделанное ими лишь первыми, в чем-то более, в чем-то менее удавшимися шагами к реше-

нию большой и сложной творческой задачи. Если некоторые писатели и критики считали, что во имя масштабности и монументальности образа Ленина художник должен избегать жанровых красок, то другие, наоборот, хотели, чтобы на сцене был достаточно полно показан не только Ленин-вождь, но и Ленин-человек в его повседневных отношениях с окружающими людьми. Возникал вопрос о возможности творческого домысла. Ведь лучшие сцены «Человека с ружьем», «Кремлевских курантов», фильмов М. Ромма явились плодом художественной интуиции.

В первое послевоенное десятилетие из новых пьес о Ленине увидели сцену «Семья» И. Попова, «Пролог» А. Штейна, иллюстрировавшие ранние периоды его жизни и деятельности, сценическая фреска «Зал Авроры» М. Бальштинца и М. Чинаурели, показанная МХАТом в 1953 году, пьеса В. Вишневского «Незабываемый 1919-й».

В 50-х годах театры получили ряд новых пьес о Ленине. Их авторами стали не только столичные, но и местные драматурги, в том числе драматурги национальных республик, воссоздающие образ Ленина в связи с революционной историей своих народов. Некоторые из них повторяют, варьируют уже сделанное их предшественниками. Но лучшие продолжают глубоко плодотворную традицию советского искусства — изображение Ленина в тесном общении с народом, в единстве его качеств вождя и человека.

В Ярославле впервые была поставлена пьеса Д. Зорина «Вечный источник», обобщая затем сцены многих театров страны. Автор переносит нас в русскую деревню 1922 года. Драматург увидел Ленина не у руля государственного корабля, а на отдыхе — во время его охотничьих прогулок по Подмосковью.

Герои «Вечного источника» не сразу узнают Ленина — сначала принимают его за селькора. Вспомним, что и у Погодина солдат Шадрин при первой встрече с Лениным еще не знает, с кем говорит. Так выявляется глубина впечатления, которое производит Ленин на собеседников «не по должности», даже не будучи узнаваемым. И у Погодина и у Зорина Ленин остается самим собой и после того, как герои узнают его — он ос-

тается для них тем же простым и мудрым другом и советчиком.

В пьесе «Вечный источник» Ленин не просто наблюдает жизнь, он активно действует. Ленин помогает бедноте сплотиться в артель. Здесь Ленин не только учит народ, но и сам учится у народа, думает вместе с народом, вместе с народом находит верные решения. Драматург показывает, как народный опыт, сама жизнь подсказывают Ленину и подтверждаются реальность его гениального плана кооперации деревни.

В пьесе Д. Зорина ошутима внутренняя полемика против самодовольного монументализма в изображении великих людей, порой приводившего к обеднению их внутреннего мира, к отрыву героя от народа. Однако некоторые эпизоды и бытовые штрихи пьесы Д. Зорина вызвали справедливые возражения критики. Стремление подчеркнуть человеческую простоту Ленина, Д. Зорин излишне «приземлил» образ. Очевидно, драматург и сам чувствовал это. Отсюда его поиски символического укрупнения образа: в финале мы видим Ленина, идущего по свежей борозде и разбрасывающего зерна нового посева.

Серьезным достижением явилась пьеса Н. Погодина «Третья патетическая», которой он завершил цикл своих пьес о Ленине.

Когда Погодин писал «Человека с ружьем» и «Кремлевские куранты», у него не было еще мысли о трилогии, какого-то определенного плана ее. Пьесы рождались одна за другой, через неравные промежутки времени, но как раз диктуемые временем, художественным пониманием вехи времени. Рождались и связывались одна с другой ясной творческой логикой. Сначала — Ленин в действии, среди народа. Затем — сосредоточенный, с преобразующей, дающей свет мыслью мечтой о будущем. И, наконец, Ленин — философ, гуманист. От эпического изображения народного вождя Погодин шел к постижению великого и непреходящего в Ленине. И когда в «Третьей патетической» мы видели Ленина на ступенях Смольного, — это было не просто воспоминание большевика Дятлова о немеркнущих днях революции. Это было своеобразное композиционное кольцевое обрамление целого, в котором совершенное в Октябре — исходный пункт и одновременно то, что завещано нам Лениным.

Пьесы погодинской трилогии проникнуты высоким пафосом ленинского революционного гуманизма, в котором драматург справедливо видит сущность и величие Ленина.

«Третья патетическая» — это не трагедия в «классическом» смысле. Или, вернее, — это оптимистическая трагедия, существо которой определяется не траурные интонации, а пафос величия неумирающих ленинских идей. «Третья патетическая» — не просто хронологическое завершение трилогии, как не были чисто биографическими пьесами «Человек с ружьем» и «Кремлевские куранты». В этих произведениях Погодин поднимает большой круг проблем, связанных с формированием нового общества, нового человека.

Среди авторов пьес, написанных после погодинской трилогии, особенно заметны успехи драматурга М. Шатрова. Именно ему принадлежат интереснейшие опыты обновления драматургической традиции в решении ленинской темы.

«Опыт документальной драмы» — так напоминает М. Шатров о своей ставке на хроникальную точность в подзаголовке пьесы «Шестое июля», повествующей о подавлении левозерского мятежа в июле 1918 года. Драматург берет короткий отрезок истории — одни сутки, — фиксируя происходящее с точностью до минут. Перед нами — всего лишь один день истории. Но такой день, который без каких-либо авторских «подталкива-

ний» может вылиться в напряженное сценическое действие.

Последовательная борьба Ленина за мир, против авантюризма в политике определяет содержание пьесы «Шестое июля», отчетливо сопряжена с проблемами, важными для нашего сегодня.

НЫНЕ ЛЕНИНИАНА советского театра весьма обильна количественно. Уже не раз со справедливой тревогой говорилось об опасности обеднения темы, о холодном ремесленничестве, о пьесах-близнецах, с которыми мы уже встречались.

Всегда ли оправдано появление Ленина в числе действующих лиц драматического произведения?

Авторы многих пьес «поручают» Ленину напутствовать своих героев или резюмировать, подводить итог их делам. Часто именно к этому сводится «функция» ленинского образа, когда мы встречаем его в прологах или эпилогах.

Однако подлинная сущность личности такого масштаба, как Ленин, вряд ли может быть постигнута во всей глубине и объемности при появлении Ленина в единичном эпизоде, особенно если такой эпизод не лежит на магистрали драматического действия, а как бы «пристегнут» к нему.

Стремление художников связать своих героев с Лениным, с его делом — стремление само по себе, конечно, похвальное, — может быть успешно реализовано и без непременно выведения на сцену самого Ленина. Убедительные решения в этом смысле знала, как мы помним, драматургия 20-х и 30-х годов. О такой возможности красноречиво говорят и недавние постановки «Десяти дней, которые потрясли мир» в Театре на Таганке и «Большевики» в «Современнике».

Я привожу эти, на мой взгляд, примеры очень интересных опосредствованных решений вовсе не потому, что ратую за возврат к «доактерскому» опыту 20-х годов. Лучшие исполнители ленинской роли — Б. Шуккин, М. Штраух, Б. Смирнов, В. Честнов — прочно утвердили воплощение ленинского образа через актера как магистральную линию сценической Ленинианы. Я только хотел напомнить, что в многообразии жанров и приемов, накопленных многолетним опытом, есть и остается возможность косвенного решения темы, без непременно выхода на сцену актера в ленинском гриме.

Наша драматургическая Лениниана разнообразна по жанрам, стилевым интонациям. Тут и хроникальные пьесы и биографически-повествовательные, народные драмы, пьесы трагедийные и лирические.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ сценической Ленинианы ставят и решают серьезные идейные и творческие проблемы, важные для развития советской историко-революционной драматургии. Исключительное и типическое. Героическое и быденное. Сложность и единство многогранного характера. Герой и народ. Диалектика исторического документа и творческой фантазии художника.

Разнообразие идейно-тематических аспектов Ленинианы, приемов и красок, манер и интонаций, которые мы видим в лучших пьесах о Ленине, — свидетельство многогранности и художественной яркости искусства социалистического реализма.

Наша драматургия создала произведения высокого идейного накала, решающие ленинскую тему с глубоким проникновением в сущность социально-исторических процессов, с большой выразительной силой и эмоциональным своеобразием.

Многогранный характер Ленина, его влияние на эпоху, значение его идей для современности — громадные и всеобъемлющие. Образ Ленина заключает в себе неисчерпаемое богатство мысли и чувства.

Н. ЗАЙЦЕВ